

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	9
1. ТЕЛО. О чем говорят раны жертв?	21
2. СЕРИЙНОЕ УБИЙСТВО ПО СТАРОМУ ОБРАЗЦУ. Как фантазии становятся смертельными?	85
3. УБИЙСТВО В КУПЕ ПОЕЗДА. Кто виноват?	149
4. ЗАПОЗДАВШАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ. Что дают исследования?	199
5. СТРАСТЬ И СМЕРТЬ. Что здесь зло?	253
Благодарность	317

«Все решают детали. Упустишь их из виду — считай, проиграл. Если не понимаешь, на что именно нужно смотреть, то ничего и не увидишь. Это как сходить на экскурсию в древнюю египетскую гробницу: ты видишь, что стены покрыты иероглифами. Зная язык, синтаксис и грамматику, можно прочесть эти послания и узнать больше о людях, построивших гробницу. Но для тех, кто не в состоянии прочесть написанное, эти узоры — просто красивые картинки на стене, они не несут никакого значения. Или, что еще хуже, их можно и вовсе трактовать неправильно и прийти к совершенно бессмысленным выводам».

*Пол Бриттон,
криминальный психолог и профайлер*

Случаи, описанные в книге, являются реальными. Все имена людей и названия мест происшествий вымышлены. Любые совпадения случайны.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я не могу ответить на вопрос, что такое зло, хотя начиная с 1970 года почти постоянно по работе имею дело с убийствами, жертвами преступлений и преступниками, с виной и искуплением. Я начинал работать на разных должностях в отделе по расследованию убийств, а с 1999 года работаю аналитиком, или так называемым профайлером.

Первым, кто пытался объяснить мне, что такое зло, был один пастор. Он так волшебным образом, со знанием дела рассказывал про рай, грехопадение, ад и дьявола. Но я уже тогда не верил в сказки. Позднее, когда мы в школе проходили «Фауста», наш учитель силился объяснить нам, что в образе Мефистофеля Гёте показал, что такое зло, «зло абсолютное». Но и это меня не убедило. Для меня Мефистофель до сих пор является чем-то вроде современной литературной версии дьявола из занятий для подтверждающихся, эталонным злом, которое не имеет никакого отношения к настоящему злу в реальности. Много лет спустя я как-то встретил своего учителя. Он поинтересо-

вался, кем я работаю. Я честно ответил: «Я детектив по расследованию убийств». — «Ага, значит, ходишь по следам зла!» — бойко произнес он.

Вы, наверное, удивитесь, но когда в 1970 году я, молодой стажер, пришел в дежурный полицейский отряд, я не осознавал, что моя будущая

Закон различает зло большое и маленькое. И прокуроры, которые выступают со стороны обвинения, надеются, что я дам им возможность оценить, какое именно зло перед ними — большее или меньшее. Именно в этом была и есть моя работа как следователя и профайлера.

профессиональная деятельность будет почти исключительно связана с убийствами. Со своей неказистой внешностью я никак не вписывался в образ типичного полицейского и больше всего желал тогда одного — не попасть на военную службу, поскольку полицейских от нее освобо-

ждали. Однако когда позже мой преподаватель криминалистики, бывший начальник отдела по расследованию убийств, захватил мое внимание своими различными рассказами о реальных убийствах, совершенных в Бремене, я быстро принял решение и тоже захотел стать детективом по расследованию убийств.

Сегодня мне уже сложно точно сказать, что именно меня тогда так привлекло в этой идее: был ли это мой юношеский энтузиазм? Притягательность и таинственность преступления? Поиск истины? Может быть, все это понемногу.

10 Несколько лет спустя, пройдя дополнительное

обучение, я, как и хотел, попал в отдел по расследованию убийств. Решение, о котором я ни разу не пожалел, потому что не могу себе представить более автономной, ответственной и многогранной работы — еще и потому, что она почти всегда связана с самыми темными сторонами человеческого поведения.

Я не спросил тогда своего учителя, что он имел в виду под фразой «по следам зла». Да я и не уверен, что получил бы удовлетворяющий меня ответ. Наверняка каждый из нас имеет о понятии «зло» какое-то смутное представление, но вот попроси объяснить, что такое зло на самом деле или как оно возникает, — мало кто сможет четко сформулировать ответ.

К счастью, я не ищю точного ответа на этот вопрос, иначе у меня просто не останется времени на то, чтобы выполнять свою работу. Я предпочитаю придерживаться формулировки, которая не является особенно философской и не содержит какого-то духовного или поучительного смысла: «Что такое “плохо”, описано в Уголовном кодексе. Это уже хорошо». Это всего лишь фраза из сборника поговорок криминальной полиции, но она является хорошей и понятной основой нашей работы — при условии, что вы живете и работаете в демократическом правовом государстве.

В немецком Уголовном кодексе добро и зло не рассматриваются категорично — как черное и белое. В нем конкретный способ убийства

влечет за собой конкретное наказание. Приговор за умышленное убийство суровее, чем за непредумышленное. Уголовный кодекс также очень внимательно рассматривает мотивы преступления. Убийца, совершивший свой поступок из жажды наживы, отличается от убийцы, который пошел на преступление в целях самообороны. Проще говоря: закон различает зло большое и маленькое. И прокуроры, которые выступают со стороны обвинения, надеются, что я дам им возможность оценить, какое именно зло перед ними — большее или меньшее. Именно в этом была и есть моя работа как следователя и профайлера: формулировать точные факты о жертвах, преступниках, ходе, обстоятельствах и мотивах преступления.

Уже в течение многих лет от девяноста до девяноста пяти процентов всех убийств, совершаемых в Германии, раскрываются за очень короткое время — нередко в этот же день. Часто это преступления, совершенные знакомыми людьми. В основном преступники входят в круг близких и родственников потерпевшего. Преступники оставляют на месте преступления телесные следы, которые сегодня гораздо легче идентифицировать, чем раньше: кровь, слюну, сперму. Быстрее выслеживать убийц и других жестоких преступников помогают, в частности, биология с ее, кажется, неограниченными возможностями анализа ДНК, и современная судебная медицина.

Например, крошечного количества биологического следа преступника сегодня достаточно, чтобы идентифицировать его.

Но как быть с делами, в которых, несмотря на интенсивное расследование и постоянно совершенствующиеся научные методы, эти телесные следы присутствуют, но вот преступление все равно никак не удается раскрыть? Как быть с теми убийствами, в которых, как предполагается, между жертвой и преступником не было никаких отношений? С убийствами, где иногда поведение преступника является таким странным и необъяснимым, что мотив становится очевидным не сразу?

Однако прежде чем я расскажу вам об этих делах подробнее, сделаю несколько общих замечаний по одному важному вопросу: об отношениях между сотрудниками отдела по расследованию убийств и профайлерами.

Сотрудники отдела по расследованию убийств, имея дело с нераскрытыми делами, работают в условиях сильнейшего стресса: завышенные требования к себе, внутреннее и внешнее давление. Понятно, что есть место преступления и труп, оттого и много объективных улик. Однако для начала жертву нужно идентифицировать, и иногда это дается с трудом. Тогда следователи тратят много времени на сбор сведений о ее личности путем опроса свидетелей и проведения следственных мероприятий. Кроме того, оцен-

ка улик может занять несколько дней, а иногда и недель. Тем не менее отдел по расследованию убийств с самой первой минуты работает «по горячим следам»: это означает, что нужно внимательно относиться к каждой улике — и пусть картина преступления пока неполная, а иногда и вовсе отсутствует понимание того, что именно произошло. Хотя в отделе по расследованию убийств имеется множество версий, часто сложно понять, есть ли среди них правильная. Во всяком случае, я не раз сталкивался с тем, что на аналитический анализ преступления при «работе по горячим следам» просто не остается времени.

Именно для таких случаев и предусмотрено привлечение аналитиков со стороны. Они не участвуют в повседневных мероприятиях по расследованию убийств, отчего у них есть больше времени на изучение связей, разработку теорий и создание психологических портретов.

Затем результат анализа выливается в рекомендации по расследованию, которые отдел по расследованию убийств может, но не обязан выполнять. Однако для того, чтобы это произошло, я как профайлер сначала должен обосновать свои выводы путем анализа и последующей презентации их отделу по расследованию убийств. Но готовы ли следователи, которые долгое время работали над этим делом, отказаться от своих идей и принять чужие?

14 Когда я сам работал следователем, то был рад услышать мнение со стороны. Для меня не-

стандартное мышление, обращение к экспертам из других дисциплин и учет их мнения с самого начала были частью профессиональной работы. Как аналитик я, естественно, ожидаю, что следователи, с которыми я должен сотрудничать по работе, будут иметь такое же отношение. Однако если следователь считает аналитиков далекими от практики теоретиками, то у меня мало шансов донести до него свои выводы.

И наоборот, от моего усердия, от понимания специфики работы следователя и от возможности осуществить мои предложения также зависит, будут ли приняты результаты анализа и будет ли наше сотрудничество плодотворным. Профайлера, который ставит себя выше только из-за того, что он занимается напряженной исследовательской работой и позволяет своему коллеге чувствовать это, по праву не воспримет никто всерьез.

По сути, главное, что мне помогает в аргументации, — это скрупулезный анализ поведения преступника и ответ на вопрос, почему преступник действовал именно так, а не иначе, — это и есть так называемый профайлинг. Кем была жертва и какие эпизоды преступления были особенно важны для преступника?

Но в этой работе нужно быть осторожным. Улики не всегда легко интерпретировать. В то время как преступник во время преступления реализует свои индивидуальные потребности, чувства и фантазии, следы различных преступле-